

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук, профессор
кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина

Шалин Виктор Викторович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
и культурологии Кубанского государственного
аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И КАПИТАЛИЗМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Аннотация:

Статья посвящена анализу форм взаимодействия государственных структур и крупного бизнеса в период организованного капитализма, а также в условиях современной глобализации. Утверждается, что государство, даже сформированное на близких буржуазии принципах, на этапах первоначального накопления и организованного капитализма являлось в значительной степени автономным, действуя в направлении заданных им общественных функций. Это было продемонстрировано в ходе масштабного экономического кризиса, потрясшего основы капиталистической системы, когда государственная власть пересмотрела собственное участие в экономических процессах, взяв на себя важнейшую функцию перераспределения, преодолев вполне естественное в такой связи сопротивление бизнес-кругов. На современном этапе глобального капитализма продолжает нарастать тенденция сближения элиты государственных служащих и крупного бизнеса, доходящая до взаимопроникновения и слияния. Формируется общая среда политиков и топ-менеджеров, где устанавливается классовое и, соответственно, идеологическое единство. Союз крупного бизнеса с правительственными структурами приобретает все более органичный неразрывный характер, что соответствующим образом сказывается на политических решениях. В результате подобных процессов происходит нечто большее, чем просто усиление классового характера современного государства. Формируется своего рода политэкономический гибрид, который может действовать только в заданном современным неолиберализмом направлении.

Ключевые слова:

государство, организованный капитализм, кризисы перепроизводства, кейнсианство, глобализация, транснациональные корпорации, принцип вращающейся двери, глобальный суперкласс.

Tambiyants Yulian Grigoryevich

D.Phil., Professor, Social and Cultural
Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

Shalin Viktor Viktorovich

D.Phil., Professor, Head of the Social
and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CAPITALISM: HISTORY AND MODERNITY (ARTICLE 2)

Summary:

The study analyzes the mechanisms of interaction between government institutions and big businesses in the period of organized capitalism as well as modern globalization. In the authors' opinion, even a kind of bourgeois-based state was largely autonomous and performed functions assigned to it by society at the stages of primitive accumulation and organized capitalism. It took place during the large-scale economic crisis that shook the foundations of the capitalist system. In that period, the authorities revised their involvement in economic processes by taking ultimate responsibility for redistribution and by overcoming obvious resistance to business community. At the present stage of global capitalism, the official elites and big businesses still tend to converge or even intermingle and merge. A common environment of politicians and top managers is established on the basis of class and ideological unity. The alliance between big businesses and government institutions is becoming increasingly organic and inseparable, which affects political decisions accordingly. It is of the utmost importance that these processes result in a growing class nature of the modern state. An emerging political and economic hybrid can only be effective in neo-liberalist context.

Keywords:

state, organized capitalism, overproduction crises, Keynesian economics, globalization, multinational corporations, revolving door, global superclass.

Эпохе первоначального накопления капитала был присущ наметившийся альянс между государством и крупным бизнесом. Если жестко придерживаться марксистской точки зрения, то следует вести речь не столько об альянсе, сколько о подчинении ведущими экономическими субъектами политических структур с целью проведения последними соответствующей внутрен-

ней и внешней политики. Так как же следует оценивать форму отношения государства и бизнеса – как взаимодействие равноправных субъектов или подчинение вторым первого? Данная проблема выступит целью настоящей статьи, в рамках которой предполагается дальнейший анализ исторической динамики с позиции уточнения масштабов участия государства в хозяйственных процессах. Подобный анализ был начат в предыдущей статье с рассмотрения эпохи первоначального накопления [1]. Теперь охарактеризуем периоды организованного капитализма и продолжающейся в настоящее время эпохи капиталистической глобализации.

В длительную по времени эпоху Нового времени набирала ход социальная динамика, что естественно усложняло общественные отношения, порождая новые проблемы и вызовы. По мысли С. Хантингтона, модернизация, будучи нацеленной на стратегические цели, весьма болезненна в тактическом плане и сопровождается нестабильностью. В связи с этим следует закономерное усложнение государственного аппарата для повышения управляемости приобретающими большее разнообразие общественными процессами [2].

Время наступления организованного капитализма принято относить ко второй половине XIX столетия. Оно характеризуется процессом монополизации – все большего поглощения крупными хозяйственными игроками среднего и малого бизнеса, в более редких случаях несколько компаний объединялись в крупные корпорации. Концентрация капитала была продиктована несколькими обстоятельствами. Во-первых, фактор технической эволюции. Быстро развивающиеся машинные техники и технологии требовали крупных вложений капитала, что оказывалось по силам только крупным экономическим организациям, привлекающим, в том числе, вложения акционеров. Во-вторых, фактор стремления снизить риск проигрыша в условиях жесткой конкуренции, которая была присуща первоначальному накоплению.

Имеет смысл напомнить, что основным противоречием индустриальной эпохи выступает антагонизм «между общественным характером производства, с одной стороны, и частным (корпоративным) способом присвоения благ, распоряжения капиталами и принятия важнейших экономических решений – с другой» [3, с. 77]. Особенность данного вызова заключалась, кроме всего прочего, в том, что в обществах развитого капитализма его долгое время не признавали. В результате эти общества время от времени потрясали экономические кризисы перепроизводства, апофеозом которых стала Великая депрессия 1929–1933 гг. Однако часто даже в контексте нарастающей социально-экономической проблематики ведущие субъекты политики (президенты США К. Кулидж, Г. Гувер) не торопились пересматривать каноны классического либерализма о «невидимой руке рынка» и максимальном устранении государства из хозяйственной жизни.

Представляется, что естественной реакцией на вызов подобного рода стал приход к власти политиков, обладающих достаточной волей, чтобы жестче направить государственную деятельность в русло общественных интересов, что иногда противоречило стремлениям крупных собственников. Суть сформированного «ответа» заключалась в усилении государственной роли, что в ряде стран обусловило выдвижение некапиталистических проектов. Есть смысл затронуть сначала именно их.

Альтернативы капитализму были выдвинуты «слева» (социалистический проект), а также «справа». Первый случай был реализован прежде всего в Советской России, проделавшей путь впечатляющего взлета и неожиданного падения. Во втором случае мы имеем дело с разновидностями консервативных проектов, к которым следует отнести как германский нацистский и итальянский фашистский режимы, так и ряд определяемых неоднозначно социально-политических систем – Испанию правления Ф. Франко, «Новое государство» А. Салазара в Португалии, Венгрию правления регента М. Хорти и др. Но во всех них ставка делалась на единение и классовое примирение на почве общенациональных интересов. Закономерно, что залогом реализации таких консервативных проектов являлось сильное государство, подавляющее классовую борьбу, но стремящееся жестко контролировать бизнес, придавая ему большую социальную ориентацию и направляя его деятельность в русло национальных целей. На первых порах здесь достигался реальный компромисс, в рамках которого рабочие как более слабая сторона поддерживались больше [4, с. 257]. Как пишет историк В. Шамбаров о первых годах правления Б. Муссолини в Италии, «было бы глубоко неверным представлять, что фашисты, дорвавшись до власти, отбросили все свои прежние обещания. Нет, многие пункты их программы выполнялись. Как раз такие пункты, которые касались реальных условий труда и жизни простых людей: повышения заработной платы, ограничения рабочего дня, обеспечения пенсионеров и инвалидов» [5, с. 40].

Однако основное внимание мы намерены сосредоточить на обществах, где либеральный проект все же устоял, хотя и был существенным образом скорректирован. Весьма показателен опыт США – страны классического капитализма. Ряд ученых-обществоведов (Л. Гринин, Н. Полякова, А. Шлезингер) считают, что здесь произошел реальный сдвиг политики государства

в направлении надклассовых интересов с принятием с 1890 г. антитрестовского законодательства. Согласно этому документу, государство перестало оказывать поддержку крупному бизнесу, формально становясь в более нейтральную позицию. Официальная цель антитрестовского законодательства заключалась в сохранении конкуренции, для чего создавался специальный правительственный институт – Федеральная торговая комиссия. Однако в реальности дела обстояли сложнее. Американский исследователь Ф. Ландберг считает, что антитрестовские законы имели больше символическое значение, реально мало препятствуя концентрации капитала и слиянию компаний. Конкуренция в американской экономике продолжала сокращаться, и по данному поводу Ф. Ландберг видит здесь влияние ряда причин.

Во-первых, антитрестовское законодательство применяется выборочно, поскольку подобные законы имеют рекомендательный, а не обязательный характер. Данные законы вступают в силу в случае так называемого горизонтального слияния – конкретная фирма поглощает другую, занимающуюся аналогичным бизнесом. Однако антитрестовское законодательство не запрещает иные виды объединения, например вертикального характера. Промышленная компания имеет право приобрести все свои компании-поставщики, не исключая шахты и рудники, а также свободно купить оптовые или розничные торговые фирмы. «Такие слияния, – пишет Ф. Ландберг, – не считаются противозаконными до тех пор, пока они не представляют собой угрозы для конкуренции с какой-либо другой фирмой того же профиля» [6, с. 382].

Тем самым в начале XX столетия американские монополии располагали многими совершенно легальными возможностями для продолжения концентрации капитала и, естественно, широко этим пользовались. Скажем, корпорации ведущих индустриальных отраслей занимались поглощением различных компаний, с ними не связанных непосредственно. В результате образовывались гигантские финансовые империи небывалой экономической, а также политической мощи.

Во-вторых, руководство корпораций умело обходило антитрестовские законы и в случае привлечения к суду, как правило, отделывалось несущественным наказанием. Ф. Ландберг в этом плане считает отношения крупных фирм с государством сродни отношениям гангстеров с коррумпированными полицейскими [7, с. 423].

Вышеизложенные факты дают повод считать довольно точным определение Л. Грининим сложившегося в обществах развитого капитализма типа политической системы как государственно-классового. Правда, ученый предпочитает описывать этот феномен главным образом с экономической точки зрения. Л. Гринин констатирует, что для успешного функционирования крупного производства требуются условия, которые по плечу лишь централизованному и развитому государственному аппарату, – инфраструктура, социальная стабильность, обеспечение воспроизводства квалифицированных специалистов и рабочей силы [8, с. 110]. Мы считаем уместным подчеркнуть здесь то обстоятельство, что политическая воля государственных мужей в целом направлялась в русло, благоприятное для крупных собственников. Хотя собственно сам политический вектор и мог изменяться, но сохранялась его классовая суть.

Представитель австромарксизма М. Адлер в 1926 г. не без оснований заявлял, что государственные структуры имеют классовый характер, по причине этого в обществе доминируют не интересы общественного блага, но потребности и интересы экономических лидеров, обладающих властью. Что касается других классовых интересов, то они принимаются в расчет лишь постольку, поскольку это становится необходимым для устранения угрозы господствующему статусу власти имущих [9, с. 62].

И все же историческому периоду организованного капитализма свойственна несколько иная форма хозяйственного участия государства в сравнении с эпохой первоначального накопления. Даже в странах, где либерально-демократический проект устоял, позиции крупного бизнеса как ведущего экономического актора были потеснены, пусть и на время. Ф. Ландберг, констатируя общий взаимный положительный настрой крупных собственников и политиков, тем не менее признает, что порой для их «дружбы» наступали нелегкие времена. Показательными в этом плане оказались 1930–40-е гг., от периода Великой депрессии до окончания Второй мировой войны. В эти десятилетия американское общество оказалось в тисках жесткого кризиса. «Система, позволявшая крупным магнатам наживаться и процветать, вдруг отказала, и правительство вынуждено было что-то срочно предпринимать» [10, с. 367]. Речь идет о «новом курсе» Ф. Рузвельта, в рамках которого роль государства в экономике была принципиально пересмотрена – оно брало на себя задачу социально-экономического распределения. Красноречивая оценка Ф. Рузвельту как политику была выставлена американским обществом: его четыре раза подряд избирали на пост президента, хотя экономические магнаты закономерно финансировали избирательные кампании конкурентов Ф. Рузвельта, тем не менее постоянно проигрывающих.

Весьма к месту здесь оказалась новая хозяйственная доктрина, разработанная Дж. Кейнсом, ставшая базой рузвельтовского «нового курса». Ее практический успех обозначился уже со

второй половины 1930-х гг. и стал особенно очевиден в период Второй мировой войны. Кейнсианство на полвека стало руководством для государственных деятелей, вытеснив принципы фри-тредерства. Кратко суть этого подхода заключается в признании за государственным структурами статуса ведущего рыночного субъекта, что проявлялось в функции как перераспределения, так и регулирования спроса. Безграничная свобода рынка закончилась, а кейнсианскую модель обозначали в терминах встроеного либерализма (Д. Харви). Как пишет К. Крауч, в кейнсианстве была решена проблема противоречия «между незащищенностью и неопределенностью, создаваемыми потребностью рынка приспособляться к экономическим шокам, и необходимостью для демократической политики отвечать на запросы граждан, желающих защищенной и предсказуемой жизни» [11, с. 162].

Организованному капитализму присуще значительно более активное продвижение своих принципов на международный уровень, поскольку в предпринимательский оборот вовлекаются ресурсы национальных масштабов, а природа капитализма настойчиво требует дальнейшего расширения. Высшая точка колониальной политики ассоциируется именно с периодом организованного капитализма (Дж. Гобсон, Р. Люксембург, В. Ленин и др.), получив название империализма. Суть ее заключалась во включении «осваиваемых» территорий в предпринимательское производство на более базовом уровне – происходит многосторонний экспорт европейской социальной организации: экономической деятельности, осуществляемой на передовой технологической основе, институтов государственной власти. Империализм рассматривается как этап международных отношений, подготовивший переход к глобализации. Естественно, что колониальная политика – слишком масштабное явление, требующее значительных ресурсных вовлечений. Вряд ли ее возможно было бы реализовать силами только экономических субъектов, она могла с успехом проводиться только на государственном уровне.

Напрашивается вывод, что в первой половине XX в. на этапе организованного капитализма происходит определенный поворот политики государственных структур в надклассовую сторону, что было необходимо для выживания социального организма. Этот процесс приобретал различные формы в рамках тех или иных национальных систем, тем не менее общим для него трендом было расширение государственных функций. При всей жизненной необходимости этих шагов в перспективе это привело к расширению бюрократических групп с неоднозначными долгосрочными последствиями.

Но уже на этапе первоначального накопления обозначилась тенденция не только сближения, но и взаимопроникновения между группами крупнейших собственников и политиками высшего уровня. Подобное сближение работало на укрепление внутренних позиций класса капиталистов, а также консолидировало национальную элиту буржуазных обществ в свете мировой идеологической конкуренции с социалистической системой. На рубеже 1950–60-х гг. Ч. Миллс указывал на усиливающееся взаимодействие в США крупных экономических корпораций, армии и правительства. При этом формирующаяся элита состояла из представителей всех трех структур. Американская социально-политическая мысль 1960–70-х гг. отмечена яростной полемикой сторонников Ч. Миллса – Ф. Хантера и У. Домхоффа с защитником принципа полиархии Р. Далем. Последний доказывал существование не одной единой, а трех элитных групп (экономической, политической, социальной), не особо связанных друг с другом. Его оппонентам все же удалось убедительно опровергнуть этот тезис, обратившись к исследованию престижных клубов, где собирались представители всех трех элитных групп для решения вопросов, значимых для всего общества. Тем самым был обоснован вывод о наличии довольно консолидированного господствующего класса, обладающего реальной властью [12, с. 294].

Упомянутый Ф. Ландберг в ходе анализа высших американских кругов 1960-х гг. констатирует наличие научной, технической, художественной, артистической, спортивной элит, которые в значительной степени могут считаться открытыми и более или менее демократичными. Однако над всеми этими группами находится политико-экономическая элита, обладающая закрытым характером. Личные способности и таланты здесь имеют не первостепенное значение. «Главным, но не единственным пропуском в этот избранный круг являются деньги». По мнению этого автора, если изнутри политико-экономическая элита и допускает принципы плюрализма, то в отношении внешнего мира «предстает как довольно сплоченное, небольшое, единое объединение» [13, с. 393].

На этапе глобального капитализма, продолжающемся в настоящее время, союз между политиками и бизнесменами еще более упрочивается, в чем следует видеть объективную обусловленность. Важнейшими социальными последствиями информационной революции становятся выросшие масштабы виртуальной экономики на финансово-спекулятивной основе. Дополнительный толчок этим процессам дал кризис 1973–1975 гг., побудивший правительства развитых индустриальных стран перестать напрямую контролировать банки. К середине 1990-х гг. снимаются фактически любые ограничения на передвижения капиталов на национальных рынках,

вследствие чего быстро выросли объемы. Это дало повод некоторым ученым говорить о «финансовой революции» (И. Доронин, Л. Гринин). Если в 1979 г. объем операций на международном рынке капиталов составлял около 80 млрд долл., то только спустя десятилетие он возрос в 9 раз (718 млрд долл.), а еще через десять лет увеличился в два раза (1,5 трлн долл.) [14, с. 114].

Следует задаться вопросом: насколько справедлив расхожий тезис о размывании национальных суверенитетов и, соответственно, снижении роли государства в условиях нарастающей глобализации. В качестве субъекта последней признается транснациональная корпорация (ТНК) – крупная компания, имеющая международный уровень функционирования. Ряд крупнейших ТНК превосходят многие национальные государства по масштабам деятельности, зачастую диктуя им собственную волю главным образом с позиции экономической силы [15]. Подобное положение дел присуще не всем странам. ТНК нуждается в политической поддержке и активно ищет возможности выработать согласованный механизм взаимодействия с правительственными структурами, так как последние обладают необходимыми правовыми, политическими, информационными ресурсами. Но, разумеется, такие ресурсы могут предоставить не все страны, а лишь развитые в экономическом и политическом отношении.

Альянс государства и ТНК необходим и взаимовыгоден им обоим. Хотя возникает большой вопрос: в подобной ситуации государство выступает с точки зрения общественных интересов или руководствуется предпочтениями собственной бюрократической группы? Как бы то ни было, корпорациям прибыльнее стало приобрести политическое влияние, чем подчиняться рыночным правилам. Закономерно, что со второй половины XX в. при крупных корпорациях создаются GR-подразделения (*government relations*), нацеленные на формирование политических связей, в первую очередь с государственными органами. В функции GR-подразделений входят изучение общей социально-политической обстановки, выявление социально-экономических и политических приоритетов компании, разработка перечня требований и пожеланий к властям и, наконец, налаживание с ними контактов и проведение консультаций. Неслучайно именно города, являющиеся крупными политическими центрами, притягивают крупные экономические структуры. Например, в столице США Вашингтоне имеют офисы практически все крупные корпорации. То же самое относится к «столице» европейского сообщества Брюсселю.

Видимо, в силу данных фактов, свидетельствующих о тесной политэкономической связи, неправомерно разводить интересы ТНК и национальных государств. Очевидно, руководство компаний никак не может игнорировать (и не игнорирует) цели того правительства, с которым устанавливаются тесные контакты. Причем нет большого секрета, о каких странах идет речь. По данным, приводимым М. Делягиным, из 500 крупнейших компаний (80 % доли в общемировой торговле) 407 принадлежат государствам «Большой семерки». Штаб-квартиры 24 тыс. ТНК расположены в 14 наиболее развитых и богатых странах мира [16, с. 255]. Д. Роткопф выделяет 106 мегакомпаний, в которых объем продаж выше 50 млрд долл. Из них 38 базируется в США, 53 – в странах Европы, еще 8 расположены в Японии [17, с. 61]. Невозможно представить, чтобы данный расклад никак не влиял на приоритеты крупного бизнеса и связанных с ними государственных структур.

При этом крупные экономические организации используют значительно более широкие способы воздействия, чем обычное лоббирование, долгое время бывшее главным механизмом воздействия на политиков. Теперь оно преобразуется в новые формы, за которыми нередко трудно различимы фигуры профессионального политика и топ-менеджера. Типичным современным явлением становится постоянный кадровый обмен между руководящими структурами правительства и ТНК, который Д. Роткопф обосновал метафорой вращающейся двери. Происходит активная двусторонняя ротация кадров. Результатом становится феномен глобального суперкласса, также описанный Д. Роткопфом. Суперкласс представляет собой значительную группу из примерно 6 000 человек, куда входят высшие должностные лица около 120 государств; руководители и избранные топ-менеджеры примерно 2 000 богатейших ТНК, около 1 000 крупнейших финансовых организаций и примерно 500 инвестиционных фирм; крупные армейские иерархии; начальники крупнейших научно-производственных объединений и ведущих международных институтов; ряд ведущих мыслителей, ученых, писателей, спортсменов с мировым авторитетом; некоторые члены теневого элита. При этом количественное ядро суперкласса составляют именно экономические деятели – бизнесмены, финансисты (63 %), а также политики (18 %) [18, с. 68].

В факте кадрового переплетения экономических и политических структур К. Крауч видит причину ценностной деформации верхов. Ранее имел место определенный этос государственной службы, оказывающий пусть и неодинаковое, но все же реальное воздействие на поведение политиков. В современных условиях подобные принципы оказываются размытыми, а политики все сильнее представляются не как суровые и справедливые государственные мужи, но как удачливые менеджеры. По мнению К. Крауча, свой «вклад» внесла также неолиберальная теория,

навязывающая новое видение разграничения государственных и частных интересов: только бизнес может вмешиваться в дела государства, а не наоборот, в силу изначальной мудрости первого и врожденного идиотизма второго [19, с. 124].

Тем самым мы склонны согласиться с замечанием политолога О. Арина по поводу того, что утверждение о снижении роли национальных правительств и размывании национальных границ справедливо не всегда. Если иметь в виду развивающиеся страны, большинство из них действительно не состояниии что-либо противопоставить глобальному капитализму, становясь его марионетками. По-иному обстоят дела с субъектами глобализации – индустриально лидирующими странами. Здесь правительственная власть скорее усиливается, поскольку им нередко приходится заниматься продвижением собственных мировых интересов. Как пишет названный автор, «весь этот неконтролируемый международный бизнес сразу становится контролируемым, как только он начинает угрожать национальным интересам. И даже движение денег может быть проконтролировано на основе классической политики или силовой политики» [20, с. 315].

По результатам исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. Государство и бизнес на этапах первоначального накопления и организованного капитализма являются в той или степени автономными, действуя в направлении заданных им общественных функций. При этом если главная задача бизнеса – получение прибыли, то государственные институты имеют куда более широкое назначение, занимаясь макросоциальной проблематикой, касающейся конкретной национальной системы. Притом что сформировавшиеся в эпоху становления капитализма правительственные структуры носили очевидно классовый характер, следует признать их широкую самостоятельность и политическую субъектность.

Данное обстоятельство было проиллюстрировано в ходе усиливающихся вызовов экономического (кризисы перепроизводства) и политического (альтернативные идеологические проекты) плана, когда государственная власть пересмотрела собственное участие в экономических процессах, взяв на себя важнейшую функцию перераспределения, преодолевая вполне естественное в такой связи сопротивление бизнес-кругов.

2. Фактически с самого начала капиталистической эпохи наметилась тенденция сближения элиты государственных служащих и крупного бизнеса. Тем не менее процессы взаимопроникновения не произошли сразу ввиду ряда тормозящих объективных и субъективных причин. Однако на современном этапе эта тенденция продолжает нарастать, приобретая новое качество. Речь идет о фактическом слиянии высших экономических и правительственных кругов (принцип вращающейся двери), в ходе которого происходит своеобразный обмен кадрами в обе стороны. Формируется общая среда политиков и топ-менеджеров, часто меняющих друг друга, где устанавливается классовое и, соответственно, идеологическое единство (феномен глобального суперкласса). Союз крупного бизнеса с правительственными структурами приобретает все более органичный неразрывный характер, что сказывается на политических решениях.

В результате подобных процессов, с нашей точки зрения, происходит нечто большее, чем просто усиление классового характера современного государства. Формируется своего рода политекономический гибрид, который может действовать только в заданном современным неолиберализмом направлении. Эволюция государственных структур на современном этапе привела к фактическому отрицанию государством собственной внутренней сущности, что проявляется в забвении надклассовых (национальных) интересов. Речь идет о значительном сокращении (а местами и ликвидации) государственного участия в социальной сфере, тогда как в экономике роль государства в основном сводится к обслуживанию интересов крупных экономических акторов.

Ссылки:

1. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. Форма взаимодействия государства и капитализма: история и современность. Статья первая // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12 (68). С. 19–25. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.2>.
2. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В.Р. Рокитянского. М., 2004. 480 с.
3. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: политический срез исторического процесса. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. 264 с.
4. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. 367 с.
5. Шамбаров В.Е. Фашистская Европа. М., 2014. 544 с.
6. Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки / пер. с англ. Л.И. Столпера [и др.]. М., 1971. 684 с.
7. Там же. С. 423.
8. Гринин Л.Е. Указ. соч. С. 110.
9. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. 384 с.
10. Ландберг Ф. Указ. соч. С. 367.
11. Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? // Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. М., 2010. С. 161–185.
12. Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001. 608 с.

13. Ландберг Ф. Указ. соч. С. 393.
14. Доронин И.Г. Мировые фондовые рынки // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / отв. ред. И.С. Королев. М., 2003. С. 101–133.
15. Современный глобальный капитализм / Ф.Д. Бобков, Е.Ф. Иванов, А.Л. Свечников, С.П. Чаплинский. М., 2003. 351 с.
16. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 756 с.
17. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. 475 с.
18. Там же. С. 68.
19. Крауч К. Постдемократия. С. 124.
20. Арин О.А. Мир без России. М., 2002. 480 с.

References:

- Arin, OA 2002, *A World Without Russia*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Ashin, GK, Kravchenko, SA & Lozansky, ED 2001, *Sociology of Politics. A Comparative Analysis of Russian and American Political Realities*, Moscow, 608 p., (in Russian).
- Belousov, LS 2000, *Mussolini's Regime and the Masses*, Moscow, 367 p., (in Russian).
- Bobkov, FD, Ivanov, YeF, Svechnikov, AL & Chaplinsky, SP 2003, *Contemporary Global Capitalism*, Moscow, 351 p., (in Russian).
- Crouch, C & Edelman, NV (trans.) 2010a, *Post-Democracy*, Moscow, p. 124, (in Russian).
- Crouch, C & Edelman, NV (trans.) 2010b, 'What Will Follow the Demise of Privatised Keynesianism?', *Post-Democracy*, Moscow, pp. 161-185, (in Russian).
- Delyagin, MG 2003, *World Crisis. General Theory of Globalization*, 3rd ed., Moscow, 756 p., (in Russian).
- Doronin, IG 2003, 'Global Stock Markets', in IS Korolev (ed.), *World Economy: 100-year Global Trends*, Moscow, pp. 101-133, (in Russian).
- Grinin, LYe 2009, *State and Historical Process. The Political Section of the Historical Process*, 2nd ed., Moscow, 264 p., (in Russian).
- Huntington, S & Rokityansky, VR (trans.) 2004, *Political Order in Changing Societies*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Landberg, F & Stolper, LI et al. (trans.) 1971, *The Rich and the Super-Rich: A Study in the Power of Money Today*, Moscow, 684 p., (in Russian).
- Polyakova, NV 2004, *The Twentieth Century in the Sociological Theories of Society*, Moscow, 384 p., (in Russian).
- Rothkopf, D 2010, *Superclass: The Global Power Elite and the World They Are Making*, Moscow, 475 p., (in Russian).
- Shambarov, VYe 2014, *Fascist Europe*, Moscow, 554 p., (in Russian).
- Tambiyants, YuG & Shalin, VV 2019, 'Mechanisms of Interaction Between the State and Capitalism: History and Modernity (Article 1)', *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, no. 12 (68), pp. 19-25, <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.2>, (in Russian).

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Куликова Маргарита Александровна